

Т.В. Соколова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ
НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
(К 25-летию образования СНГ)**

Соколова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Путь независимого развития длиной в 25 лет, пройденный бывшими советскими республиками, оказался в социальном плане гораздо более сложным, тяжелым и непредсказуемым, чем представлялось на старте радикальных социально-экономических преобразований. «Немногие специалисты могли предсказать, что процесс перехода к рыночной экономике и демократической форме правления будет проходить столь бурно и достигнется столь высокой ценой с точки зрения благосостояния отдельных людей, особенно в странах нового Содружества независимых государств (СНГ)» [23, с. 183].

Распад СССР стал сродни мощному тектоническому сдвигу, который коренным образом изменил некогда единый социальный ландшафт, положив начало длительному переходу от социалистической плановой экономики к свободной рыночной. Исследователи отмечают, что за истекшую четверть века преобразований ни одной из стран СНГ так и не удалось преодолеть рубеж перехода ни в геоэкономическом, ни в геополитическом, ни в социальном плане [7, с. 23–24].

И первое (критически важное), и второе десятилетие реформ не увенчались в регионе успехом в социально-экономическом развитии. Более того, «...произошедшие в 1990-е годы изменения в национальных экономиках новых независимых государств под влиянием трансформационных и геополитических шоков вызвали глубокую деиндустриализацию, отбросили их на периферию мировой экономики, вернули с точки зрения уровня социально-экономического развития на десятилетия назад» [4, с. 24]. В 1995 г., в конце первой пятилетки реформ, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в ряде стран (Грузии, Таджикистане, Азербайджане

и Молдавии) составлял лишь 35–45% предреформенного уровня, в наименьшей степени этот показатель упал в Белоруссии, Казахстане и России (70–74% от уровня 1990 г.). В Узбекистане снижение хотя и было незначительным (всего на 20 процентных пунктов), однако происходило на фоне крайне низкого значения этого показателя в 1990 г. Наиболее глубокий экономический спад затронул Грузию и Армению. Тем не менее Армении уже к середине 90-х годов удалось переломить ситуацию за счет внешних кредитов и помощи, радикализации курса реформ, высоких налогов, ограничения и без того низких доходов населения, блокирования реального сектора экономики, сокращения социальной инфраструктуры [17, с. 84; 26, с. 48, 49].

Второе десятилетие реформ «в еще большей степени усилило различия государств по уровню, целям и ресурсам развития. Сильно изменившаяся экономика обеспечила им по многим параметрам место в нижней части списка стран мирового сообщества» [4, с. 33]. Вплоть до середины 2000-х годов реальный размер ВВП на душу населения оставался в большинстве из них гораздо ниже дореформенного уровня: за исключением Белоруссии, России и богатого нефтью Казахстана, ВВП на душу населения в пересчете на ППС не достигал и 5 тыс. долл. США. Тем не менее и в этой группе стран-лидеров не была проведена кардинальная диверсификация экономики, они до сих пор зависят от добычи и экспорта сырья. На Кавказе в начале 2000-х годов ВВП на душу населения был ниже половины от предшествовавшего переходному периоду уровня.

Эти данные отражают зарегистрированные (без учета результатов хозяйственной деятельности в неформальном секторе) изменения в объеме производства. Соответственно, они могут как завышать истинные масштабы падения производства, так и занижать темпы последующего экономического роста. В начале 2000-х годов доля неформального сектора в ВВП Армении достигала 45%, в Азербайджане – 60, Грузии – 66, Киргизии – 39, Молдавии – 44 и Узбекистане – 33%. Несмотря на сложности сопоставления объемов производства до и после преобразований (поскольку неизвестно, какими были истинные масштабы теневой экономики), можно констатировать резкое падение объема производства и доходов на душу населения в регионе СНГ [23, с. 183, 184, 185].

После завершения острой фазы финансового кризиса 1998 г. материальное и социальное благополучие населения все равно улучшалось крайне медленно. В условиях крайней нищеты находились около 50 млн человек. И хотя на фоне экономического роста доля населения, живущего за чертой бедности, ощутимо сократилась (исключение составила только Армения), существенного снижения степени неравенства в доходах так и не произошло (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Страны	Уровень бедности			Коэффициент неравенства доходов Джини		
	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Азербайджан	15,8 ⁴	9,1	6,0 ⁷	0,17	0,34 ⁵	...
Армения	27,6 ⁵	35,8	30,0	0,36	0,31	0,32
Белоруссия	12,7	5,2	4,8	0,28	0,28	0,28
Казахстан	31,6	6,5	2,8	0,30	0,29	0,26
Киргизия	39,9 ³	33,7	30,6	0,38	0,30	0,46
Молдавия	29,0	21,9	11,4	0,36	0,32	0,29
Россия	17,8	12,5	11,2	0,41	0,41	0,42
Таджикистан	32,0	0,34 ²	0,31 ⁶	...
Туркмения
Узбекистан	...	17,7	...	0,35 ¹
Украина	12,7 ⁴	8,6	8,6	0,29	0,25	0,25
Грузия	20,1 ⁴	21,0	14,8 ⁷	0,40	0,42	0,40

¹ 2003 г.; ² 2004 г.; ³ 2006 г.; ⁴ 2007 г.; ⁵ 2008 г.; ⁶ 2009 г.; ⁷ 2012 г.

Составлено по: The World Bank (Data Sets) <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>; <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC>

Официальная статистика, к сожалению, далеко не всегда дает точное представление об уровне реальной бедности. Это связано как с определенными методологическими трудностями, так и с тем, что официально установленная черта бедности (величина прожиточного минимума) может быть значительно ниже уровня, необходимого для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. По мнению экспертов, реальные масштабы бедности в Казахстане существенно выше официальных данных (2,8%) и находятся в пределах 10–20% общей численности населения [2, с. 112]. По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, в 2014 г. к бедным относилась почти треть украинцев, а в первом полугодии 2015 г. этот показатель составил уже 53,5% и имел устойчивую тенденцию к росту¹.

В странах СНГ наблюдается громадный разрыв в размере доходов богатых и бедных. Относительно низкий коэффициент Джини на Украине (0,25 в 2013 г.) обманчив и, к сожалению, свидетельствует о «равенстве в нищете» на фоне тотальной бедности украинцев. По данным Росстата, в середине 1990-х годов разница в достатке 10% самых обеспеченных россиян и 10% наименее состоятельных составляла 13,5 раз, а в 2013 г. – уже более чем 16 раз. Если опираться на данные независимых исследователей, то значение

1. Демоскоп Weekly. 2016. № 675–676, 22 февраля – 6 марта. – <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/panorm01.php#8>

коэффициента Джини 0,42, которое приводит Росстат по состоянию на 2013 г., занижено как минимум в 2 раза. Сотня самых богатых россиян контролирует 30% богатства страны, в то время как на долю 10% самых бедных не приходится и 2% [15, с. 24].

Столь большой разрыв в доходах богатых и бедных является основой напряженности в обществе (усиливает чувство социальной несправедливости), влечет за собой неравенство возможностей, особенно в области образования и здравоохранения, а также приводит к увеличению смертности и падению рождаемости. В Армении, Белоруссии, Молдавии, России и Украине завершился процесс демографического перехода². Уровень рождаемости не обеспечивает даже простого замещения населения, для которого необходимо как минимум 2,1 рождения на одну женщину. В Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане также постепенно набирает силу общемировая тенденция к уменьшению рождаемости и увеличению среднего возраста населения, хотя все еще и сохраняются высокие показатели воспроизводства населения (табл. 2).

Таблица 2

**ОБЩИЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ
(на 1000 человек населения)**

Страны	Число родившихся				Число умерших			
	1990	2000	2010	2014	1990	2000	2010	2014
Азербайджан	26,0	14,8	18,5	18,1	6,0	5,9	6,0	5,9
Армения	22,0	9,0	13,8	14,3	8,0	6,3	8,6	9,2
Белоруссия	14,0	9,4	11,4	12,5	11,0	13,5	14,4	12,8
Казахстан	22,0	14,8	22,5	23,1	8,0	10,1	8,9	7,6
Киргизия	29,0	19,7	26,8	27,7	7,0	6,9	6,6	6,1
Молдавия	19,0	10,2	11,4	10,9	10,0	11,3	12,3	11,1
Россия	13,0	8,7	12,5	13,3	11,0	15,4	14,2	13,1
Таджикистан	40,0	27,0	29,4	27,8	10,0	4,7	4,4	4,0
Туркмения	35,0	24,0	22,0	21,0	9,0	8,0	8,0	8,0
Узбекистан	34,0	21,3	23,0	23,3	6,0	5,5	5,0	4,9
Украина	13,0	7,8	10,8	10,8	12,0	15,3	15,2	14,7
Грузия	17,0	8,9	14	14,0	9,0	9,1	11,0	12,0

Источники: [34; 35; 36, с. 282].

The World Bank (Data Sets): <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN>; The World Bank (Data Sets): <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN>

2. Демографический переход – исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Этот процесс является частью перехода от традиционного общества (для которого характерна высокая рождаемость и высокая смертность) к индустриальному.

Сокращение общей численности населения, но с меньшей интенсивностью, чем в предыдущие годы, по-прежнему характерно для Белоруссии, Молдавии и Украины. Улучшение демографической ситуации происходит здесь в основном за счет снижения естественной убыли населения, вызванной как повышением рождаемости, так и снижением смертности. В Азербайджане, Белоруссии, России и Украине положительным фактором выступает миграционный прирост, а в Молдавии – сокращение миграционного оттока. В России в 2013 г. миграционный и естественный прирост способствовали увеличению численности населения страны на 320 тыс. человек.

Контрасты социального, в том числе демографического, ландшафта постсоветского пространства неизбежно усиливают потоки трудовой миграции. В 2015 г. в Таджикистане, Киргизии, Казахстане и Узбекистане (по данным за 2014 г.) был наиболее выражен вектор предпочтений стран региона СНГ. В Армении, напротив, произошел значительный спад ориентаций населения на трудовую миграцию в страны СНГ – с 38% от числа опрошенных в 2014 г. до 28% в 2015 г. Слабая положительная динамика наблюдалась в Казахстане и Киргизии. На Украине, в Грузии, Молдавии, Армении, Белоруссии и России растет интерес к странам Евросоюза [15, с. 41].

Для стран-доноров миграция играет позитивную роль благодаря денежным переводам и получению мигрантами новых навыков и знаний. По данным исследования Института общественного мнения Гэллапа, мигранты из Таджикистана и Киргизии очень ценят приобретенный опыт работы в России, 39% смогли в результате получить на родине более высокооплачиваемую работу после возвращения [41, с. 69]. Денежные переводы трудовых мигрантов вносят существенный вклад в нивелирование неравенства, частично блокируют расширение бедности, снижая тем самым социальную напряженность.

Так, на протяжении последнего десятилетия в Таджикистане, где около 60% населения живут за чертой бедности (менее чем на 2 долл. США в день на человека), для очень многих домохозяйств доля годового потребления, обеспечиваемая денежными переводами мигрантов, превышает 35%, а для бедных семей – 50%. В период с 1991 по 2011 г. в более чем половине таджикских домохозяйств были члены семей, выезжавшие для работы за границу. Таджикистан лидирует на постсоветском пространстве и по доле денежных переводов в ВВП (48%), значителен этот показатель и в Киргизии (31%). По оценкам Всемирного Банка, в Киргизии за счет роста денежных переводов и трудовой миграции удалось сократить уровень бедности населения с 68% в 2003 г. до 37% в 2013 г. [20, с. 5]. Кроме того, денежные переводы трудовых мигрантов являются и важными стартовыми условиями для реализации предпринимательского потенциала населения. Более половины домохозяйств в Таджикистане готовы вложить средства, полученные от трудовой мигра-

ции, в открытие и развитие собственного дела: каждый четвертый респондент хочет открыть магазин или торговую точку на рынке, около 8% хотят купить автомобиль, который можно использовать для заработка, еще 6% готовы открыть небольшое производство, 3% – кафе или ресторан [30, с. 15].

Однако снижение в последние годы темпов экономического роста в странах, принимающих трудовых мигрантов (главным образом в России), привело к резкому сокращению объемов денежных переводов мигрантов, ограничило рост потребления на уровне домохозяйств и многократно усилило их уязвимость в отношении бедности. По данным Национального Банка Таджикистана, в течение первых шести месяцев 2015 г. объем денежных переводов в долларовом выражении сократился на 32% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Несмотря на то что снижение было менее резким (около 18%) в национальной валюте (сомони), потери доходов были гораздо значительнее, чем статистические данные о ВВП [12, с. 1]. Поскольку денежные переводы являются вторым по величине источником доходов домохозяйств страны, они стараются найти дополнительные каналы спроса на рабочую силу как внутри страны, так и на внешних рынках труда (помимо России и Казахстана).

В целом первая половина третьего десятилетия постсоветских реформ (2010–2015), к сожалению, пока только продолжает «историю восторженных ожиданий и упущенных возможностей» [40], в том числе и в социальном плане. Лавирование стран – соседей России между ЕАЭС и альтернативными интеграционными проектами, которые настойчиво предлагают им США, ЕС и Китай, постепенно сокращает унаследованную постсоветскими республиками взаимозависимость, «определенный уровень целостности и своего рода *“остаточную” идентичность*. Следы прошлого остались в размещении экономики и населения, транспортной сети, в широко используемых до сих пор советских технологиях, общем социокультурном и научном наследии, в существовании обширных социальных коммуникаций» [3, с. 190; 6, с. 12]. К коммуникациям, доставшимся «в наследство» от советского этапа развития, добавились новые, сложившиеся на базе потоков трудовой миграции как временного «маятникового» характера, так и связанного с переездом на постоянное место жительства (жители Киргизии и Таджикистана в России, жители Молдавии в России и Украине, граждане Узбекистана в России и Казахстане). Один из важных показателей социокультурной близости населения – непрерывающееся общение с родственниками, близкими, коллегами, находящимися в других странах. В среднем 57% респондентов в 2015 г. указали, что имеют такие связи на постсоветском пространстве [15, с. 68, 134].

По прошествии 25-летнего периода реформ приходится признать, что наименее проработанным при создании СНГ оказался именно социальный

блок реформ: «...реформаторы действовали на основе крайних государственных либо ультралиберальных идей, не отвечавших институциональным и культурным условиям и не учитывавших интересы значительной части общества, в то время как догоняющее развитие требует общественного согласия и координации усилий государства и бизнеса» [39, с. 133]. Ставка на достижение в первую очередь быстрого экономического роста в ущерб решению социальных проблем не оправдала себя не только на постсоветском пространстве. Как справедливо подчеркивает лауреат Нобелевской премии по экономике Саймон Кузнец, если экономический рост «...сопровождается увеличением неравенства в доходах, вытекающее из этого напряжение и конфликты могут вызвать кардинальные изменения в социальной и политической организации общества» [18, с. 122]. Иными словами, нельзя начать с экономических реформ, отложив далеко «на потом» социальные и политические трансформации, без которых невозможно устойчивое экономическое развитие. Однако в регионе, как показала практика, «во многих случаях конечная цель преобразований – улучшение условий жизни простых людей – отошла на второй план под натиском императивов экономического роста» [24, с. 183]. И опыт новых независимых государств наглядно подтверждает следующий тезис: «Исчерпание прежних механизмов экономического роста и вынужденный отказ от проведения сильной социальной политики обнажает проблемы и дисбалансы сложившейся системы, оставляя человека наедине с ухудшающейся социально-экономической ситуацией...» [31, с. 43]. Об это свидетельствуют и данные об объеме ВВП на душу населения и растущей безработицы в последние годы (табл. 3).

В большинстве стран региона уровень безработицы близок или превышает социально приемлемый (не более 10–12%). Ни одной из стран так и не удалось запустить механизм вертикальной социальной мобильности. Более того, многочисленные социологические опросы, начиная с середины 1990-х годов, фиксировали нисходящий характер социальной мобильности большинства населения, следующий из сравнения респондентами своего прошлого и нынешнего социальных статусов [1, с. 109]. Не воплотился в реальность ни один из основных лозунгов, под которыми начались реформы 1990-х годов: свобода работать и зарабатывать без ограничений и открытие новых лифтов социальной мобильности через бизнес. Вместе с тем, согласно социальной теории, существует прямая взаимосвязь между условиями вертикальной мобильности для широких слоев и групп населения, с одной стороны, и оценкой ими справедливости социального устройства – с другой [10, с. 20].

Таблица 3

**ВАЛОВЫЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ
И УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В СТРАНАХ СНГ**

<i>Страны</i>	<i>ВВП на душу населения по ППС (долл.), 2015 г.*</i>	<i>Уровень безработицы **, % от рабочей силы, 2014 г.</i>
Азербайджан	17 740	5,2
Армения	8394	17,1
Белоруссия	17 761	5,9
Грузия	9679	13,4
Казахстан	25 877	4,1
Киргизия	3427	8,1
Молдавия	5039	3,4
Россия	24 451	5,1
Таджикистан	2780	10,9
Туркмения	16 499	10,5
Узбекистан	5996	10,6
Украина	7916	7,7

* Оценочные данные.

** По методологии МОТ (включая численность ищущих работу самостоятельно – без обращения в службу занятости).

Источники: [13, с. 13–14; 36, с. 288–289; 25, с. 46].

The World Bank (Data Sets): <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>; <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC>

Неудачный старт реформ на постсоветском пространстве в начале 90-х годов истекшего столетия (прежде всего, приватизация и ваучеризация государственной собственности) подорвал и без того хрупкий кредит доверия населения к преобразованиям. В 2003–2011 гг. за возможность пересмотра итогов приватизации выступали от 68 до 75% россиян. При этом россияне ставят под сомнение как легитимность сложившихся за четверть века реформ прав частной собственности (80% респондентов), так и легитимность самого института (30% респондентов) [9, с. 36, 45, 48]. В 2015 г. 2/3 респондентов в РФ считали, что в результате приватизации выиграли чиновники, управленцы и представители теневого бизнеса, лишь 7% назвали себя лично и свою семью [21, с. 41].

Несмотря на то что уровень бедности в России к 2013 г. снизился до 11,2% (с 33,5% в 1992 г.), выигравшими от происходящих в стране перемен чувствуют себя только около 8% россиян, еще 14% – проигравшими. Основная масса (63%) констатирует, что в целом все осталось по-прежнему, 15% затрудняются ответить, лучше им сейчас или хуже. Поэтому различия в оплате труда сегодня воспринимаются более болезненно, чем во времена перестройки, и в несправедливости столь большого разрыва в окладах между богатыми и бедными в 2014 г. были уверены уже 41% жителей страны (по сравнению с 29% в 1989 г.). Несправедливость всего происходящего

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

в обществе часто или иногда ощущали 86% россиян. Причем этот показатель держится на одном уровне на протяжении всего времени проведения реформ: в 1995 г. так думали 87%. Около 62% россиян считают, что их труд оплачивается несправедливо или не всегда справедливо, и лишь 20%, что справедливо. Только половина работающих россиян (51%) полагают, что получаемое ими денежное вознаграждение (включая заработную плату, премии и т.д.) соответствует объему и сложности работы, которую они выполняют. Чувство несправедливости, несоответствия труда и вознаграждения испытывают 43% работающих, и оно тем острее, чем ниже заработная плата. Однако такая корреляция в первую очередь связана не с чувством зависти к тем, кто получает больше, а с запросом на достойную жизнь, уважение к человеку, независимо от его доходов [16, с. 25, 26].

Основные проблемные зоны социального ландшафта постсоветского пространства четко фиксируют данные опросов социологической службы Гэллапа (табл. 4).

Таблица 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ (ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ)

Страны	Общий показатель удовлетворенности жизнью (полностью неудовлетворены 0, полностью удовлетворены 10) 2014	Удовлетворенность уровнем жизни (% удовлетворенных) 2014	Удовлетворенность работой (% ответивших «да») 2013	Удовлетворенность качеством образования (% удовлетворенных) 2014	Удовлетворенность качеством медицинской помощи (% удовлетворенных) 2014	Доверие к правительству страны (% ответивших «да») 2014
Казахстан	6,0	66	48	46	46	60
Россия	6,0	55	48	48	38	64
Узбекистан	6,0	75	66	85	85	...
Молдавия	5,9	46	32	49	42	18
Белоруссия	5,8	49	46	48	37	51
Туркмения	5,8	92	76	77
Азербайджан	5,3	51	45	51	34	78
Киргизия	5,3	76	55	58	57	37
Таджикистан	4,9	82	67	71	60	...
Армения	4,5	31	30	49	41	21
Грузия	4,3	27	33	59	51	53
Украина	4,3	27	39	49	28	24

Источник: [42, p. 266–268].

Интересно и вместе с тем труднообъяснимо, почему уровень субъективной удовлетворенности жизнью в Узбекистане, Молдавии и Туркмении неожиданно оказался зафиксирован на отметках, близких к России, Белоруссии и Казахстану. Более того, население Таджикистана, Киргизии и Узбекистана склонно оценивать экономическое положение своей семьи более благоприятно, чем граждане Казахстана и России [41, с. 69]. Возможно, это связано с изначально низким уровнем и качеством жизни, когда даже незначительное улучшение материального положения воспринимается людьми чрезмерно позитивно. Однако есть и принципиально иные объяснения такого феномена. Так, некоторые исследователи считают, что «успех Узбекистана во многом сродни «китайскому чуду»: постепенные экономические реформы с сохранением институционального потенциала государства, качественная макроэкономическая политика и экспортоориентированная промышленная стратегия» [28, с. 136].

Чрезвычайно опасно, что за годы независимого трансформационного развития в регионе была разрушена столь необходимая социальная база для экономических реформ – наблюдается острый дефицит кадровых ресурсов, отвечающих объему и сложности поставленных задач.

В странах СНГ остро стоит проблема бедности интеллектуальной элиты – «новых бедных». Резкое падение реальной заработной платы в России в начале 1990-х годов предотвратило открытый кризис на рынке труда и всплеск массовой безработицы, но привело к возникновению феномена низкооплачиваемости и бедности даже среди работающего населения. И хотя к настоящему времени риск бедности среди работающих снизился, сам феномен низкооплачиваемости не исчез даже на этапе экономического подъема и роста заработных плат в 2000–2007 гг. В настоящее время доля бедных среди работающих (11,7%) даже превышает долю бедных среди российских пенсионеров (5,3%) [11, с. 168, 172]. В воронку реальной бедности оказались втянуты высококвалифицированные и вполне конкурентоспособные, согласно мировым меркам, кадры. За два прошедших десятилетия только Россия потеряла примерно половину своих ученых. В Армении за годы реформ был практически полностью разрушен высокий образовательный и научный потенциалы. В последние годы существования СССР в республике на долю высокотехнологичных производств приходилось около 20% ВВП. В частности, Армения производила 25–30% компьютеров для нужд советского ВПК [5, с. 15].

Значительная часть высококвалифицированных специалистов вынуждена работать не по специальности, многие – за пределами страны. Вклад «креативных» (построенных на творческом труде) отраслей в экономику развитых стран составляет, по разным методикам расчета, от 25 до 35%, а в России, по самым оптимистичным оценкам, – не превышает 13% [19]. Аналогичная ситуация и в других странах СНГ. Попытки переломить ситуацию на рынке

труда региона имеют фрагментарный характер. Так, в Казахстане в «Программе занятости-2020» акцент впервые был смещен с выплаты пособий безработным в сторону выделения им целевых грантов для получения соответствующей требованиям рынка квалификации. По оценкам казахских экспертов, к 2020 г. доля высококвалифицированной рабочей силы может увеличиться в республике до 50% [23].

На постсоветском пространстве отсутствуют привлекательный рынок труда и приемлемые условия для достойной занятости. Значительная часть специалистов с высокой профессиональной подготовкой, с высшим образованием работают не по специальности, или вообще покидают пределы своей страны. Усиливается тенденция получения образования ради диплома, а не ради знаний, что наносит серьезный удар по профессиональной квалификации работников. Кроме того, существует весьма узкий сегмент рабочих мест, отвечающих инновационному типу экономики (требующих высокой квалификации, современных компетенций и, соответственно, высокооплачиваемых), что тормозит расширение среднего класса. Очевидно, без наличия человеческого капитала (образование) и определенной структуры рынка труда любые попытки стимулирования роста среднего класса только за счет наращивания доходов населения обречены на провал [22, с. 130].

В начале радикальных системных социально-экономических преобразований было общепризнано, что для успешного перехода к рынку необходимо гражданское общество с устойчивой социальной структурой. Центральным связующим звеном такого общества должен был стать мощный средний класс. И уже сам «...факт формирования среднего класса можно рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, свидетельства прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. И, наоборот, отсутствие среднего класса можно воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований» [37, с. 9]. Наиболее выпукло это проявилось на Украине. В конце 90-х годов социологи фиксировали здесь практически полное отсутствие среднего класса [8, с. 26, 27]. Отсутствие в стране стабилизирующего ядра (среднего класса), нарастающее в обществе разочарование как в самой идее реформ, так и в способности государства обеспечить экономический прогресс, соблюдение законности и социальную стабильность и привели в итоге к политическому кризису на Украине 2013–2014 гг.

В России и Белоруссии, по данным социологических исследований, доля среднего класса незначительна – около 15–20% [32, с. 5]. Оценки субъективного благополучия и экономического положения семей свидетельствуют, что до 50% опрошенных граждан Таджикистана, Киргизии и Узбекистана относят себя к малоимущим слоям населения (в России и Казахстане таких 25–28%) [41, с. 69]. Однако, как это ни парадоксально, в Казахстане, по дан-

ным социологических опросов, свыше 40% населения относят себя к среднему классу [2, с. 109]. Очевидно, это объясняется крайне невысоким уровнем потребительских запросов населения.

Оценочная численность среднего класса может резко колебаться и чисто из-за различий в методологии его определения. Так, в России доля среднего класса варьирует от 2–3% до почти 50% населения. Согласно методике определения среднего класса, разработанной в Институте социологии РАН, в России его доля в общей численности населения составляет 42%. При этом так называемое «ядро» (наиболее стабильная с точки зрения положения и устойчивости своих позиций в обществе группа среднего класса) не превышает 16% населения в целом [38, с. 8, 11, 12]. Близкое значение этого показателя получено и в ходе эмпирических измерений, проведенных в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, при этом с начала 2000-х годов «...вся социальная структура практически не претерпела изменений: 10% населения по-прежнему относится к низшему классу, 70% составляет класс ниже среднего» [22, с. 129]. Очевидно, это связано с существенным отставанием социальной реакции от происходящих экономических изменений. Ни экономический подъем в России в начале 2000-х годов, ни пик экономического роста в 2007 г., ни открытая форма нового экономического кризиса в 2014 г. не повлияли сколько-нибудь значимо на численность российского среднего класса. Однако при этом произошли качественные изменения его состава – и это уже «совсем не верхний квинтиль позднего советского общества (особенно интеллигенция), который поддержал рыночные и демократические реформы рубежа 1980–1990-х годов, а сложный “состав” из старой номенклатуры (захватившей часть активов), различных “теневых фигур” (вплоть до представителей преступного мира), коррумпированных чиновников и новых предпринимателей» [9, с. 54]. Как справедливо отмечают эксперты, «усиление позиций среднего класса возможно лишь при условии глубокой экономической реструктуризации и создания новых рабочих мест в новых секторах и отраслях экономики, а также институтов, которые содействуют приращению человеческого капитала и реализации человеческого потенциала в России» [12, с. 186].

Социальные издержки постсоветских реформ превысили запас как материальной, так и эмоциональной прочности имевшегося в регионе «старого» среднего класса и не позволили упрочить свои позиции «новому». Так, в Белоруссии (что в полной мере относится и к другим постсоветским республикам) «...социальным итогом реформ стало не формирование процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и обострившаяся поляризация общества» [33, с. 55]. В России в начале 2000-х годов «отставание» уровня жизни населения от успешности экономического развития воспринималось как «временные трудности» и положительные

сдвиги в развитии экономики страны фиксировали 34% всех россиян, а среди ядра среднего класса их число возрастало даже до 50%, в уровне жизни населения – 21 и 35% соответственно, а ухудшение экономического положения страны отмечали лишь 7–8% представителей среднего класса. В настоящее время картина принципиально обратная: 64–66% в составе среднего класса полагают, что ситуация в экономике ухудшилась и лишь 5–7%, что она улучшилась. Примерно так же думают и остальные россияне [29, с. 32].

За четвертьвековую историю постсоветского развития накопилась усталость населения от бесконечных реформ и внутренние резервы социального роста фактически исчерпаны. После распада СССР «у руководства России и ряда других стран СНГ возникла иллюзия, что ... опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством дадут возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство в принципиально иной глобальной среде» [14, с. 16]. К сожалению, не была проведена специальная разъяснительная кампания (сфокусированная на ценностях и интересах соответствующих социальных групп, увязывающая общие цели реформ с жизненными стратегиями людей) и до сих пор так и не удалось создать обстановку взаимного доверия, сотрудничества и веры в успех [27].

Маловероятно, что контрасты социального ландшафта региона удастся сгладить без разработки целевых государственных программ борьбы с широко-масштабной бедностью, высокой степенью доходного и имущественного неравенства, массовой безработицей. Отсутствие полноценного среднего класса, комплекс демографических и миграционных проблем, финансирование отраслей социальной сферы (образование, наука, культура, здравоохранение) по остаточному принципу – все эти социальные факторы, очевидно, и в ближайшей перспективе будут оставаться труднопреодолимыми угрозами для устойчивого экономического развития на территории бывшего СССР.

Литература

1. Аврамова Е.М., Токсанбаева М.С. Особенности занятости в России и перспективы формирования российского среднего класса как актора модернизации // Вестник Института социологии. – М., 2011. – № 3.
2. Алиев Т. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2015. – № 12.
3. Вардомский Л.Б. Трансформация постсоветского пространства в контексте его меняющегося смысла / Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия. – М.: ИЭ РАН, 2012.
4. Вардомский Л.Б. Экономика после распада СССР: О некоторых особенностях развития постсоветских стран / Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия. – М.: ИЭ РАН, 2012.

5. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: Идеи, модели и результаты развития / Под общей ред. Л.Б. Вардомского. – М.: Институт экономики РАН, 2016.
6. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ / Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2015.
7. Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. – М.: ИЭ РАН, 2008.
8. Головаха Е.И. Изменение социальной структуры и формирование среднего класса на Украине // Социологический журнал. – М., 1997. – № 4.
9. Григорьев Л., Кудрин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 1.
10. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. – М., 2003. – № 5–6 (67–68).
11. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015.
12. Доклад об экономическом положении Таджикистана // Всемирный Банк. – 2015. – № 2.
13. Доходы и расходы домашних хозяйств в странах Содружества в 2013 году // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). – 2014. – № 9 (540).
14. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. – М.: Институт экономики РАН, 2015.
15. Интеграционный барометр ЕАБР – 2015 (четвертая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.
16. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2015. – № 6.
17. Кошечкина Е.А. Региональная политика Армении // Theoretical & Applied Science (Теоретическая и прикладная наука). – Тараз, 2013. – 30 сентября.
18. Кузнец С. Экономический рост и неравенство доходов (пер. с англ.) // Пространственная экономика. – М., 2008. – № 3.
19. Кузьминов Я.И. Новая социальная политика и развитие инфраструктуры должны стать главными инструментами роста. – 2011. <http://2020strategy.ru/news/32601872.html>
20. Кыргызская Республика: Профиль бедности за 2013 год / Отчет N 99772-KG рабочей группы «Глобальная практика бедности. Регион Европы и Центральной Азии». Всемирный Банк. – 2015. – 21 мая.
21. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация «Как живешь, Россия?». XLIII этап социологического мониторинга, декабрь 2015 года. – М.: ФГБУН – ИСПИ РАН, 2016.
22. Малеева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2015. – № 3 (27).
23. Можарова В.В. Система непрерывного образования взрослого населения Казахстана как фактор роста человеческого капитала. – 2011. <http://www.kisi.kz/ru/categories/ekonomika-i-energetika/posts/sistema-nepretyvnogo-obrazovaniya-vzroslogo-naseleniya>
24. Обзор экономического положения Европы. – Нью-Йорк, Женева: ООН, 2004. – № 1.
25. Основные социально-экономические индикаторы бедности в странах СНГ // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). – 2014. – № 6 (537).

26. Папава В. Экономика Грузии: В поиске модели развития // Мир перемен. – М., 2013. – № 3.
27. Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: Система интерактивного управления ростом // Доклад на конференции «Образование, наука и модернизация». – М., 2010, 20–22 декабря. – <http://www.econorus.org/onim/upload/Polterovich.ppt>
28. Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: Как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2014. – № 1 (21).
29. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. – М.: Институт социологии РАН, 2016.
30. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. – М., 2016. – № 55.
31. Садовая Е.С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис. Политический исследования. – М., 2016. – № 4.
32. Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – М., 2010. – № 7–8.
33. Соколова Г.Н. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества // Социологический альманах (Институт социологии НАН Беларуси). – М., 2011. – № 2.
34. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / М.: Росстат, 2003.
35. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат. сб. / М.: Росстат, 2011.
36. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сб. / М.: Росстат, 2015.
37. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. – М.: Гендальф, 2003.
38. Средний класс в современной России: 10 лет спустя / Под общей ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт социологии РАН, 2014.
39. Стратегия модернизации российской экономики / Отв. ред. В.М. Полтерович. – СПб.: Алетейя. – 2010.
40. Стронски П., Куинн-Джадж К. 25 лет независимой Киргизии: Пробуксовка // Сайт Московского центра Карнеги: <http://carnegie.ru/2016/08/24/ru-64372/j3tx>
41. Трудовая миграция и трудоемкие отрасли в Кыргызстане и Таджикистане: Возможности для человеческого развития в Центральной Азии. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.
42. Human Development Report 2015: Work for Human Development. – Washington DC: UNDP, 2015.